КЛАССИКА НАУЧНОЙ МЫСЛИ

Дюверже Морис (р. 1917) – французский социолог, политолог, юрист. С 1955 г. профессор Сорбонны, преподавал также в университетах Тель-Авива, Женевы, Нью-Йорка, консультировал ряд правительств по вопросам конституционного права, избирательных кампаний.

Всеобщее признание к Дюверже пришло после выхода книги «Политические партии» (1951). В ней рассматривались структурно-организационные основы партий, особенности их становления и развития как институционализированных общностей.

Дюверже является одним из основоположников современной политической социологии как самостоятельной отрасли научного знания. Его работы характеризует отход от юридического метода исследования политической организации общества и требование социологического подхода к политическим институтам и процессам.

В книге «Политические институты и конституционное право» (1955), фрагменты которой мы предлагаем читателям нашего журнала, рассматриваются конституциональные основы политических партий, дается четкое понимание политического института. Размышления Дюверже представляют интерес с точки зрения партийного строительства, проблемы весьма актуальной для современной России.

© Жовтун Д.Т., 2011

М. Дюверже

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ И КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО[1]

Ни термин «институт», ни термин «политический» совершенно точного значения не имеют: в этом-то и кроется трудность определения понятия

[1] Печатается по: Антология мировой политической мысли: в 5 т. М., 1997. Т. II. С. 644—655.

политических институтов. Для начала попытаемся выделить конкретное, объективное и научное понятие «политические институты», а потом покажем, какими преимуществами оборачивается употребление этого выражения вместо термина «конституционное право» и наряду с ним.

[...] Поначалу, как указывается в словаре Литре, слово «институты» означало «все, что изобретено и установлено людьми в отличие от того, что дано от природы»: сексуальный акт, например, есть природный феномен, а брак существует как институт. Для Дюркгейма[1] и его последователей, наоборот, институтами являются идеи, верования, обычаи, социальная практика, которые индивид получает в готовом виде; это – *«полностью институционализированная* совокупность действий или идей, которые индивиды обнаруживают перед собой и которые в той или иной степени им навязаны»; таким образом, институты вовсе не противопоставлены природе, они – естественные факты социального универсума. И все же определение Дюркгейма чересчур общее. Думается, что термин «институты» можно было бы резервировать для обозначения совокупности идей, верований, обычаев, составляющих упорядоченное и организованное целое (например, брак, семья, выборы, правительство, собственность и т. д.). Удовольствуемся временно этим понятием. [...]

Что касается понятия «политический», то и ясности не больше: по сути оно относится к двум разнопорядковым феноменам.

А.) Одни, исходя из этимологии слова, называют политическими институтами институты государства (от греческого «полис» – город – государство – более или менее соответствующее тому, что мы сегодня называем государством), т. е. институты некой человеческой общности, наилучшим на сегодняшний момент образом организованной и усовершенствованной. [...]

Б.) Другие относят понятие «политический» к тому основополагающему общественному явлению, которое Дюги[2] называл «разделением на управляющих и управляемых». В любой человеческой группировке есть две категории людей: те, кто командуют, и те, кто подчиняются; те, кто отдают приказы, и те, кто им повинуются; начальники и подчиненные, управляющие и управляемые. Это фундаментальное различие существует в семье, в самоуправляющей единице, в государстве, в ассоциациях, в религиозных братствах, в церквах и т. д. Политическими называют такие институты, которые затрагивают правителей и их власть, руководителей и их полномочия.

[...] а) *Консервативное понимание политических институтов в XIX в.* В XIX в. люди охотно противопоставляли термин «институты» термину «конституция». Первым они обозначали те социальные и политические структуры, которые были порождены традицией, историей, нравами, привычками; вторым – подчеркивали вторжение воли, нацеленной на прида-

[1] Дюркгейм Эмиль (1858—1917) – крупнейший французский философ и социолог.
[2] Дюги Леон (1859–1928) – французский теоретик права, конституционалист.

ние политической власти рациональной и крепкой организации. Либералы требовали конституции; консерваторы утверждали верховенство институтов, рассматриваемых ими как «естественные», над конструкциями, полагаемыми как «искусственные». В то же время последние противились изменениям и реформам, ущемляющим их интересы. Восхваляя рациональную политическую структуру, утвержденную официальным документом, их противники, напротив, хотели одним ударом опрокинуть установленные институты и заменить их другими, имеющими иное содержание. Так, термины «конституция» и «конституционное право» получили новаторское звучание, в то время как термин «политические институты» имел консервативный оттенок: установить конституцию означало в каком-то смысле совершить «Революцию посредством Права».

Сегодня многое изменилось, по крайней мере в политически развитых странах (в других ситуация такая же, как в Европе XIX в.). Марксистский анализ распространил идею, частично верную, о том, что либеральный, парламентский способ правления, установленный конституционным путем, используется «буржуазией» для поддержания своего господства над «пролетариатом» и для сохранения существующего общественного строя. С другой стороны, этот анализ настаивал на том, что право и конституция являются частью общественной «надстройки», базис которой образован экономическими институтами. Приверженность конституционным текстам принимает сегодня, таким образом, более или менее консервативный характер. В XIX в. конституций требовали левые партии, ныне о них вспоминают скорее правые партии.

б) *Научное понимание политических институтов в настоящее время.* [...] Параллельно описанной выше эволюции происходила другая. Противопоставление «институтов» и «конституций» более не означает, что акцент делается на традициях вопреки изменениям, на прошлом в противовес реформам: суть в том, что акцент ставится на реальную и конкретную организацию обществ, а не на юридические установления, которые мы пытаемся к ним приложить, не достигая этого полностью. Это в какой-то степени противостояние факта и права.

Данная эволюция отражает современное развитие социальных наук. Сегодня человеческое общество и его институты рассматриваются как объект науки: в течение последних пятидесяти лет шло мощное развитие методов научного наблюдения за общественными явлениями. Конечно, юридические феномены занимают важное место среди общественных явлений, но не только они. К тому же в праве нужно различать то, что является эффективно применимым, и то, что таковым не является. Закон, юридическое установление, конституция являются не выражением реального, но попыткой упорядочения реального, попыткой, которая никогда не удается полностью.

Мы видим, таким образом, точное значение термина «политические институты». [...] Это значит, что мы не должны более придерживаться юриди-

ческого анализа политических институтов, а должны включать его в более полный и объемный анализ социологического характера: анализ, присущий *политической науке.* [...] Эта новая ориентация влечет за собой два фундаментальных последствия:

а) первое – она подводит к *«расширению поля традиционного исследования:* отныне мы будем изучать не только те политические институты, которые регламентированы правом, но и те, которые полностью или частично правом игнорируются, те, которые существуют вне права: например, политические партии, общественное мнение, пропаганду, прессу, «группу давления» и т. д.;

б) второе – новая ориентация обязывает к *изменению точки зрения внутри традиционного поля исследования:* даже те политические институты, которые регламентированы правом – установлены конституцией или законами, ее дополняющими, – не должны более изучаться в юридическом аспекте; отныне нужно пытаться определить, в какой мере они функционируют в соответствии с правом, а в какой ускользают от него; необходимо определить их действительное значение, опираясь на факты, а не ограничиваться анализом теоретической важности, которую им придают юридические тексты.

[...] Совокупность политических институтов, действующих в данной стране в данный момент, составляет «политический режим»; в каком-то смысле политические режимы – это созвездия, звездами в которых являются политические институты.[...]

Выражение «общая теория» употребляется нами не в философском, а в научном смысле. Речь идет не об абстрактных рассуждениях о том, какой политический режим является наилучшим по отношению к заранее определенной системе ценностей, а о сравнительном исследовании существующих политических режимов, с тем чтобы выявить их общие черты и различия и на этом основании выстроить типологию, настолько далекую от искусственности, насколько это вообще возможно.

Не будем рассматривать влияние, власть с философской или метафизической точек зрения. Не будем задаваться вопросом о том, оправдана ли эта власть теоретически или нет, приемлемо ли с позиций разума то, что одни люди командуют другими. Существование власти установлено во всех человеческих сообществах, особенно в национальных государствах-нациях: посмотрим же, с помощью каких практических средств эта власть заставляет уважать себя, какими способами она добивается повиновения. Первостепенное значение для этого имеют доктрины, рассматривающие природу власти: они представляют собой один из тех способов, которыми власть добивается послушания (или, напротив, одно из препятствий этому послушанию). Власть не просто материальный факт, «вещь», как сказал бы Дюркгейм: она глубоко проникнута идеями, верованиями, коллективными представлениями. То, что люди думают о власти, является одной из ее фундаментальных основ.

Среди этих верований и коллективных представлений идея права в современных, особенно этатических, обществах играет основополагающую роль. Для современного общества власть в государстве должна осуществляться в правовых формах, в соответствии с правовыми процедурами: власть должна соответствовать некой концепции права. Подобная связь власти и права постоянно ставится под сомнение в СССР, в коммунистических учениях, однако она остается глубоко укорененной в верованиях западного человека. Поэтому необходимо рассмотреть ее отдельно.

С другой стороны, понятие государства-нации, т. е. социального пространства, на котором власть организована наилучшим образом и осуществляется наиболее полно, подвергается ожесточенным нападкам со стороны федералистских теорий, постоянно укрепляющих свои позиции. Некоторое обесценение государства обязывает нас поставить вопрос о властях предержащих и сравнить тех, кто правит государством, с теми, кто управляет различными социальными группами.

[...] Напомним, что данная проблема рассматривается здесь под углом зрения фактов, а не теорий. Мы не пытаемся выяснить, является ли власть логически, доктринально обоснованной в соответствии с той или иной концепцией мира и человека. Мы лишь пытаемся описывать и анализировать конкретные основания власти. Вопрос не стоит: нужно или не нужно подчиняться власти? Мы хотим узнать, в какой мере люди действительно подчиняются и по каким конкретным причинам это происходит.

Ответить на поставленный таким образом вопрос непросто. Эта фундаментальная проблема политической науки является одной из наиболее сложных: будь она полностью прояснена, политическая наука достигла бы своей главной цели – познания природы власти. Но до этого еще далеко. Поэтому большая часть рассуждений, которые последуют ниже, будет носить весьма общий и достаточно гипотетический характер.

Для удобства изложения проведем различие между двумя большими категориями оснований власти: к одной категории относятся основания, исходящие от принуждения, к другой – те, что примыкают к верованиям. Однако эта классификация является весьма произвольной: на самом деле верования используются в качестве элементов принуждения, а принуждение редко применяется в чистом виде, вне связи с верованиями. В действительности принуждение и верования как основания власти тесно переплетены друг с другом. Мы будем неустанно повторять, что власть как любой общественный феномен неотделима от идеологии, мифов, коллективных представлений, создаваемых людьми в отношении власти.

[...] Термин «принуждение» используется здесь в достаточно широком и, следовательно, неопределенном смысле: он обозначает всякий внешний по отношению к индивиду фактор, оказывающий на него давление в направлении подчинения правителям. Речь может идти о принуждении чисто материальном и физическом (полиция или армия), о принуждении

психологическом или психосоциологическом, являющемся результатом давления обычаев или воздействия пропаганды.

Суммируя, попытаемся выделить среди этих форм принуждения общее социальное давление, материальное принуждение со стороны властей, пропаганду властей (или принуждение с помощью убеждения: принуждение с анестезией).

[...] Мы подчиняемся руководителям какой-либо социальной группы в силу того, что группа в целом побуждает к повиновению: авторитет, власть основываются прежде всего на этом коллективном безличном принуждении, которое не всегда осознается как принуждение теми, кто его испытывает; впрочем, по мере привыкания людей к принуждению оно становится для них естественным. Конформизм представляет собой один из фундаментальных источников подчинения власти.

а) *«Естественный» характер подчинения.* Во Франции много говорят «о фрондерском» характере индивидов, их естественной предрасположенности к непослушанию, езде в «запрещенном направлении», уклонению от уплаты налогов, сопротивлению приказам начальства. Достаточно представить себе сложность поддержания порядка в классе и склонность школьников к шуму и толкотне, чтобы с первого же взгляда усомниться в естественном характере подчинения.

И тем не менее это соответствует истине. Заметим сначала, что дух гражданского неповиновения неодинаково развит в разных странах и что особенно он силен во Франции, главным образом на Юге (как и у всех народов Средиземноморья), а поездка в Великобританию, Нидерланды или Скандинавию продемонстрирует естественный характер повиновения властям. Добавим к этому, что во Франции, как и у других наций подобного типа, сопротивление государственной власти соседствует с подчинением авторитету других социальных групп – к примеру, семейных или религиозных. Это просто может быть признаком слабости уз национальной солидарности. Но в любом случае в обычное время это сопротивление весьма ограниченно. Жульничают в мелочах, но в целом повинуются.

Нужно, впрочем, договориться о смысле, который мы вкладываем в слово «естественный». С социологической точки зрения под «естественным» понимается то, что соответствует общепринятому поведению. «Естественным» является то, что совпадает со среднестатистическими значениями. Очевидно, что в обычное время бунтари и неслухи составляют крошечное меньшинство во всех социальных группах. И речь идет не только об «активных бунтарях», приводящих свои действия в соответствие с намерениями, но и о «пассивных», которые хотели бы ослушаться, но не решаются из-за страха перед государственным принуждением. Конечно, множество людей ругают «власть», «правительство», «министров» и т. д., но они имеют претензии к форме или существу их действий, а не к самому факту их существования. Они выражают несогласие по поводу личности

и поведения людей, стоящих у власти, но не ставят под сомнение само существование власти, которой следует подчиниться. [...]

б) *Факторы естественного подчинения.* Здесь мы ограничимся несколькими общими предположениями. Похоже, что рациональные факторы имеют меньшее значение, чем факторы иррациональные.

1. *Рациональные факторы.* Размышляя, люди приходят к признанию необходимости власти и подчинения. Они легко понимают, что ни одна социальная группа не может существовать без власти, которая бы поддерживала в ней минимум порядка. В крайнем случае, в полной анархии можно жить вдвоем или втроем, для ста человек это становится совершенно невозможным. Так, отмечая пользу власти, люди приходят к тому, что начинают рассматривать ее как естественную.

Рациональный фактор не является, наверное, самым значимым: на основании опыта он дает оправдание необходимости подчинения власти и позволяет каждому примирить совесть с деяниями. Но факт естественного подчинения, безусловно, предшествует любым рассуждениям: сначала люди естественным образом подчиняются, а затем оправдывают свое подчинение.

2. *Иррациональные факторы.* Основную роль здесь, похоже, играют традиция и воспитание. Властям подчиняются потому, что таков обычай. Руководителей принимают потому, что они были всегда и их авторитет предстает в качестве такого же необсуждаемого и естественного феномена, как вода, огонь, дождь или град. (N.B.: «естественное» здесь употребляется не в социологическом, а в обычном смысле.) Мысль о том, что можно жить без руководителя, большинству даже не приходит в голову, ибо ни одна конкретная вещь на эту мысль не наводит (а те, кого она посещает, считают ее нелепицей, абсурдом, неосуществимым мечтанием). Социальная действительность – такая, какой она прямо и непосредственно познается людьми, – содержит в себе идею руководства, авторитета, властвования.

Воспитание значительно усиливает это чувство послушания. С самого раннего возраста маленького человечка учат подчиняться воле родителей, слушаться их указаний: в обществе детей и родителей первые являются управляемыми, вторые – управляющими. Затем школа с ее учителями, воспитателями, директорами, с ее системой санкций и принуждений крепко вдалбливает чувство власти и повиновения. Нравственное и религиозное воспитание (а также преподавание истории) дополняет это общее образование. По мере того как ребенок развивается и осознает окружающее его общество, разворачивающийся перед ним спектакль устоявшейся и всеохватывающей власти подхватывает эстафету, переданную родителями и учителями. Приученный к послушанию, ребенок видит, что оно присутствует везде. Юношеское стремление к самостоятельности приведет подростка лишь к утверждению его равенства с прежними руководителями

(учителями и родителями): это значит, что теперь он будет повиноваться тем же руководителям, что и они, без посредников.

[...] Общее социальное давление подпитывается и усиливается материальным принуждением правителей. Власть не является, как наивно полагают некоторые, чисто силовым феноменом: ее формирует множество других составляющих. Иногда даже кажется, что сила здесь играет относительно второстепенную роль: когда власти необходимо применить силу для достижения повиновения, это значит, что ее основания пошатнулись; диктатура, как мы увидим дальше, – это болезнь власти, проистекающая из ослабления верований, которые ее обычно поддерживают.

Между тем сила, бесспорно, играет важную роль в этой области. Государство опирается не только на человека с ружьем, но без него нет государства. Необходимо выделить внутри этих силовых феноменов несколько элементов, варьирующихся в зависимости от типа общества.

а) *Физическое принуждение.* В чистом виде проявляется в физическом превосходстве. Когда самый мускулистый становится во главе ватаги мальчишек или хулиганов, тогда и проявляет себя самый простейший феномен властвования. Подобным же образом эта примитивная сила присутствует и во власти отца над ребенком, мужа над женой, учителя над учеником.

Однако в более сложном и более цивилизованном обществе физическая сила дематериализуется и интеллектуализируется: с одной стороны, в дело вмешиваются ловкость и ум, с другой – техника и организация. В рамках современных государств, например, физическое принуждение приняло более тонкую *форму уголовных процедур и полицейских акций,* не претерпев при этом глубинных изменений: в случае конфликта между управляющими и управляемыми последнее слово остается за первыми, так как они могут физически принудить вторых подчиниться своей воле. Тюрьмы, пытки («рукоприкладство» как смягченная форма пыток), казнь, присутствующие в уголовных кодексах и полицейской практике всех государств, являются средствами физического принуждения. Полицейские дубинки и пистолеты – даже армейские танки и пулеметы в случае революции – имеют ту же природу. За красными мантиями судей и интеллектуальными построениями юристов всегда скрывается элемент насилия. И те, кто это отрицает, часто являются наилучшими пособниками насилия, помогая скрывать под маской ягненка волчьи зубы.

б) Принуждение личным воздействием. В небольших социальных группах «личное воздействие» руководителей играет важную роль в обеспечении послушания: на членов групп давит своего рода моральное принуждение. Термин «воздействие», используемый в повседневном языке, имеет очень неопределенное значение; мы намеренно отказались его уточнять, ибо он обозначает такой же неопределенный, но реальный феномен.

В школах есть учителя, у которых не шумят не потому, что они строже наказывают, и не потому, что они более знающие и интересные люди,

а просто потому, что они «пользуются авторитетом». Подобным же образом не всегда самый сильный или самый умный оказывается во главе компании играющих сорванцов или банды злоумышленников, нарушающих законы: во главе становится тот, кто имеет наибольший «авторитет». «Личное воздействие» можно было бы сравнить с «шаманством»: этим понятием некоторые племена обозначают таинственную способность, заставляющую повиноваться определенному колдуну, вождю.

В больших сообществах, таких как нации, «личное воздействие», «шаманство» играют менее важную роль, ибо власть институционализирована и менее персонализирована: прямой контакт между руководителем и теми, кем он руководит, весьма незначителен. Для восполнения в дело вступает пропаганда. [...] Можно было бы предположить, что современная техника в какой-то мере возвращает «личному воздействию» былую значимость: фотография, кино, телевидение восстанавливают личный контакт между вождем и массами (улыбка Рузвельта). Но подобный контакт скорее иллюзорен, чем реален. Прежде всего потому, что эффективная власть принадлежит больше институтам, чем правителям; потому также, что этот контакт посредством имиджа подменяет действительное влияние внешним видом, который более зависит от артистических способностей человека, чем от собственно «шаманства». Разумеется, сохраняется влияние руководителя на своих близких, его власть над своими сотрудниками: но это – скорее проблема внутренней организации властных институтов, чем собственно оснований властвования. [...]

в) *Экономическое принуждение*. Экономическое принуждение очень близко по своему происхождению к физическому. Тот, кто может лишить человека средств к существованию, легко добивается его повиновения. Сколько рабочих и служащих подчиняются своему патрону по этой фундаментальной причине?

К тому же политическая власть и экономическое принуждение тесно связаны. По общему правилу во все исторические эпохи класс, владеющий средствами производства и богатством, обладает и политическим влиянием и удерживает власть. Феодализм отдал государство в руки земельных собственников в ту эпоху, когда основным источником богатства была земля. Карл Маркс охарактеризовал современное ему государство как инструмент господства промышленной и торговой буржуазии в эпоху, когда основой богатства стали промышленность и торговля: политические свободы, официально признанные за всеми гражданами, были скорее формальными, нежели реальными, для тех, кто не имел экономической возможности ими воспользоваться. [...] Когда изучаешь реальное и конкретное функционирование современных обществ, то поражаешься той огромной роли, которую за юридическим и конституционным фасадом играют в них деньги. Деньги, конечно, являются не единственным, но основным источником власти. Тема «всевластия денег», так часто звучащая в литературе, несет в себе глубокую истину.

Без сомнения, экономическая и политическая власть не обязательно концентрируются в одних и тех же руках. Верно, что в либеральных государствах XIX в. «власть денег» существовала практически в чистом виде. Сегодня это уже не столь верно: профсоюзы, рабочие партии, разного рода группы, высокопоставленные чиновники образуют большое число центров силы, соперничающих с финансовыми и промышленными магнатами. Ситуация подобного «плюрализма» гарантирует, впрочем, некоторую свободу. Но она очень хрупка: само развитие техники побуждает ко все большему вмешательству государства в экономику, что порождает тенденцию к концентрации политической и экономической власти в невиданных ранее размерах. [...]

г) *Принуждение организацией.* Наряду с традиционными и классическими формами принуждения, которые только что были рассмотрены, мы сегодня обнаруживаем появление новых, менее прямых, более замаскированных и, без сомнения, более эффективных форм принуждения (в силу того, что они менее заметны для тех, кто подвергается их воздействию).

Сегодня разработаны технологии объединения людей в рамках ассоциаций и коллективных организаций, позволяющие добиваться подчинения тем более полного, что оно приемлемо и желаемо теми, кто подчиняется. Здесь невозможно дать даже общее описание этих технологий, наилучшими образцами которых являются профсоюзы, но особенно некоторые политические партии – например, коммунистическая: чересчур схематизируя различные элементы этой организации, мы рискуем исказить очень сложную и неоднозначную действительность. Разделенность людей на небольшие, но очень сплоченные первичные организации (например, коммунистические ячейки), изолированность каждой из этих первичных групп от остальных системой «вертикальных связей», систематическое использование делегирования власти и непрямого голосования, практически приводящих к образованию класса кооптированных и дисциплинированных руководителей, полупрофессионалов «внутренней партии», сочетание подлинной и серьезной дискуссии с практикой единогласного принятия решений, выполняемых с железной неукоснительностью, – все эти разнообразные элементы (да и многие другие) формируют предельно крепкую и сплоченную социальную арматуру, позволяющую организовывать большие массы людей и устанавливать над ними предельно сильную власть.

Речь здесь не идет о принуждении в прямом смысле слова, предполагающем внешнее воздействие на принуждаемого: ведь система позволяет руководителям все время «прислушиваться к массам», сохранять близость к управляемым и знать их чаяния, чтобы таким образом выражать волю людей, одновременно управляя ими. С другой стороны, система прочно опирается на пропаганду, технология которой тесно связана с ее собственной.

[...] Вторая мировая война и современные тоталитарные режимы служат прекрасной иллюстрацией эффективности пропаганды. В наши дни

она получила еще большее развитие, так как достижения общественных наук и психологии позволили лучше понять побудительные причины человеческой деятельности и воздействовать на них. Пропаганда, однако, существовала всегда.

а) *Классическая пропаганда.* Пропаганду можно определить как усилие, совершаемое правительством для того, чтобы убедить управляемых подчиниться ему. Вместо того чтобы принуждать, следует убеждать: в действительности же способы, применяемые для достижения такого убеждения, делают его разновидностью косвенного принуждения. Отсюда и вытекает определение пропаганды, данное одним из современных авторов: «насилование толпы».

Когда правительство убеждает своих подданных подчиняться с помощью внушаемого им страха, речь идет не о пропаганде, а о простом и чистом принуждении. Однако разделяющая их граница неопределенна. «Показать свою силу для того, чтобы не пришлось ее применять» – это формула Лиоте[1]. Дюги Леон (1859–1928) – французский теоретик права, конституционалист уже приближается к пропаганде. Когда демонстрируют (или делают вид, что демонстрируют) отсутствующую силу, граница пересечена. [...] То же происходит, когда пытаются внушить почитание или обожание, основанное на естественном или сверхъестественном превосходстве, а не страх, основанный на материальной силе. В этом смысле все методы, используемые правителями для укрепления своего престижа, относятся к пропаганде (вера в свое предназначение, непогрешимость, великолепие костюмов, пышность декора, церемониал и т. п.). Но собственно пропаганда служит главным образом для того, чтобы убедить управляемых в том, что их правительство является лучшим из всех возможных и что благодаря ему они живут счастливо, гораздо счастливее, чем при любом другом правительстве, потому что оно борется за справедливость, изобилие, равенство, свободу и т. д. (в зависимости от исторической эпохи и народных чаяний акцент делается на ту или иную из основополагающих добродетелей).

Почти все правительства использовали пропаганду подобным образом, но вплоть до наших дней лишь немногие делали это систематически, прибегая к услугам специально приставленных к этой работе людей. Немаловажную в данной области роль играли писатели (и в целом творческая публика, интеллектуалы), а также духовенство. [...]

б) *Современная пропаганда.* С распространением образования и введением всеобщего избирательного права стало необходимым убеждать не только «просвещенную элиту», но и народные массы. Открытия в области социальной психологии позволяли это сделать. Исключительный успех методов американской рекламы, базирующихся на тех же принципах, убеж-

[1] Лиоте – французский генерал, руководивший колонизацией Марокко, военный министр в правительстве Бриана (1916 г.).

дал в эффективности системы: современное государство перенесло их в сферу политики и приспособило к ней.

Однако пропаганда меняется в зависимости от политического режима. [...] В западных демократических государствах она, как правило, развита менее, чем в странах с авторитарной структурой: наличие оппозиции, старательно критикующей правительство, стесняет ее развитие; достаточно развитое общественное мнение заставляет, с другой стороны, прибегать к тонкостям и предосторожностям. Глубокое различие существует и между пропагандой фашистских и пропагандой коммунистических режимов: основанная на всесторонне разработанном интеллектуально обеспеченном учении, коммунистическая пропаганда делает главную ставку на разум, понимание. Тем не менее сходство методов, используемых различными государствами во внешнеполитической пропаганде (признанной укрепить их международный авторитет), показывает глубокое единство технологий современной пропаганды.

[...] Как уже было сказано, феномен власти проявляется во всех человеческих сообществах. Каждое из них образует рамки, внутри которых осуществляется власть: в семье – власть отца, в профсоюзе – его лидера, в ассоциации – председателя, в коммуне – мэра, в Церкви – папы и т.д. Все эти группы не отделены друг от друга, напротив – соединены сложными зависимостями. Между ними существует определенная субординация, в соответствии с которой руководители одной группы имеют преимущества перед другими группами. Таким образом, власть не распределена строго поровну и в неизменных объемах между разными социальными группами. [...]

© Жовтун Д.Т., составитель, 2011